

Он решил спать с включённым светом, но лампочка была слишком тусклой, и комната казалась мрачной. Тогда он встал, чтобы найти свечи.

Бай Синхэ вышел из комнаты и начал рыться в шкафах, но свечи не нашёл. Он перешёл в следующую комнату.

Это была деревянная дверь с медным замком, но она не была заперта, что отличало её от других дверей.

Согласно игровым правилам, за этой дверью что-то скрывалось.

Бай Синхэ затаил дыхание и тихо открыл дверь.

Первое, что он увидел, была фотография на столе.

Чёрная деревянная рамка обрамляла лицо мальчика лет семи-восьми.

На фото мальчик был с большими глазами, острым подбородком и выглядел наивно. Его волосы были длинными, заплетёнными в две косички, что делало его больше похожим на красивую девочку — по местным обычаям, мальчиков со слабым здоровьем часто воспитывали как девочки.

Дырки в ушах Бай Синхэ остались как раз с тех времён.

— Это моя фотография, я думал, тут что-то интересное... — он потрогал мочку уха, положил фотографию на стол и пробормотал:

— Надо бы спрятать эти позорные снимки.

Но, собираясь убрать фотографию в ящик, он вдруг почувствовал неладное.

Чёрно-белое фото в чёрной рамке...

Это был формат поминального портрета.

Бабка Янь качала [медный колокольчик], что-то бормоча. Она была напугана, поэтому нервничала. На рассвете, когда густой туман окутал горы, она шла вниз по склону, делая шаг и кланяясь до земли, повторяя это снова и снова, пока чьи-то руки не подняли её.

Бабка Янь не осмелилась поднять голову, дрожащим голосом произнесла:

— Старый договор нельзя нарушать!

Руки исчезли, и, открыв глаза, она увидела, что в лесу стоит тишина, и никакого ответа не последовало.

Не найдя другого выхода, бабка Янь повернула обратно.

Синхэ всё ещё ждал её дома.

Её любимый внук, единственное, что осталось от дочери. Она сделает всё, чтобы сохранить его.

В офисе [Дифу] все смотрели на эту сцену, и атмосфера застыла, словно лёд.

Никто не осмеливался заговорить, и причина была проста: на экране появился ещё один человек. Тот, чьи руки подняли старушку, безэмоционально посмотрел прямо в несуществующую камеру. Через секунду все экраны погасли.

После трёх секунд паники в офисе снова воцарилась привычная атмосфера:

— Босс действительно собирается расторгнуть [брачный контракт]?

— А может, жениться?

— Ошибка с самого начала, не тот человек.

— Красивая ли его невеста?

— Ставки сделаны!

— Не знаю, её дело больше не в ведении [Дифу].

— В восемнадцать лет не бывает некрасивых.

— Уже 22 век, браки по договорённости — это прошлый век! Я ставлю на разрыв.

— А я на свадьбу.

...

Бай Синхэ проснулся рано утром, но бабушки уже не было. Она оставила записку, сказав, что ушла в храм молиться.

Он не мог перестать думать о вчерашнем поминальном портрете, и чем больше он размышлял, тем страннее это казалось.

Бабушка, конечно, запуталась в мыслях, но зачем ей ставить в доме поминальный портрет своего внука?

Бай Синхэ решил поговорить с бабушкой. Храм находился у подножия [горы Мэй]. Он шёл по тропинке в юбке, и его одежда с серебряными браслетами издавала лёгкий звон. Было раннее утро, и на пути к горе Мэй он был один. Бай Синхэ снова услышал звон колокольчика. Он подумал: «Похоже на [призыв души]».

Но тут же испугался своей мысли.

Поминальный портрет... [призыв души]...

Он поспешил отогнать эти мысли и продолжил путь. Храм был ещё далеко.

Однако под звуки этих странных колокольчиков он вдруг начал терять силы, пока не упал на землю у дороги. Перед его глазами мелькали трава, кусты, серый туман, далёкий храм и его собственные ноги...

Бай Синхэ почувствовал, как будто превратился в густую грязь, растекающуюся по земле под палящим солнцем.

Он мысленно закричал: «Всё пропало! Душа не поднимается вверх, а падает вниз — это ад!»

Он отчаянно пытался сопротивляться, хватаясь за землю, и, подняв голову, увидел, как к нему приближается человек... высокий, худощавый мужчина, чья тень, словно бабочка, остановилась перед ним.

...

Бабушка сидела у его кровати, казалось, она плакала.

— Бабушка? — Бай Синхэ приподнялся, оглядываясь. — Как я тут оказался?

— Охотник принёс тебя домой... ты заболел, — бабушка потрогала его лоб. — Хорошо, что жар спал. Спи, выпипись, я дала тебе лекарство.

Он хотел рассказать ей о поминальном портрете, странном мужчине, звоне колокольчиков... но она запела колыбельную народа Мэй, как когда-то его мать, и его веки стали тяжёлыми, сознание угасало, словно остров, погружающийся в воду. Бай Синхэ чувствовал сильную головную боль, находясь между сном и явью, и был крайне обеспокоен.

Он схватил чью-то руку и пробормотал:

— В горах что-то есть, это не человек. Будь осторожна, не ходи туда... бабушка... мама...

Тот, кто остановился перед ним... не был человеком.

На этот раз Бай Синхэ проспал долго, его сон был пуст, как снег, лишь ветер шелестел где-то далеко. Вечером его разбудил лёгкий шорох, и он с удивлением увидел перед собой незнакомого мужчину.

Этот человек сидел на стуле у его кровати, а бабушки нигде не было.

Мужчина посмотрел на него:

— Проснулся?

На нём была рубашка в тонкую полоску, он сидел с прямой спиной, его лицо было холодным, а на руках, закатанных до локтей, были татуировки — изображения существ из «Шань Хай Цзин», настолько реалистичные, что казались живыми. Ближе всего к Бай Синхэ был [змеей Башэ], нарисованный на тыльной стороне ладони, пожирающий слона, что выглядело крайне странно.

Бай Синхэ, словно загипнотизированный змеем, долго не мог прийти в себя, его глаза были затуманены.

— Я шаман, бабушка Янь попросила меня тебя вылечить, — сказал мужчина. — Что-то болит?

Бай Синхэ очнулся:

— Где бабушка?

— Она готовит.

— Пойду к ней.

Он встал с кровати и, надевая обувь, заметил, что всё ещё был в юбке.

Его лицо сразу изменилось:

— Что ты сделал с бабушкой?

Мужчина посмотрел на него:

— Я ничего не делал.

Бай Синхэ усмехнулся:

— Не может быть. Бабушка никогда бы не позволила тебе одному зайти в мою комнату. В древности за такое топить могли.

Мужчина, сохраняя спокойствие, слегка изменился в лице, словно смотрел на дурака:

— Сейчас 22 век.

Но, не дав ему договорить, Бай Синхэ уже выбежал из комнаты, направляясь на кухню.

Кухня была пуста!

Бай Синхэ испугался, подозревая, что шаман мог убить бабушку ради денег.

Он побежал в коридор, но снова услышал звон колокольчика, доносящийся из комнаты бабушки.

В панике он бросился туда, но в душе было странное предчувствие: утром звонила бабушка, она призывала душу... чью душу?

Бабушка Янь кланялась, звоня в колокольчик и смотря на стену.

Тук.

Тук.

Этот звук, похожий на удары о стену, был именно таким.

— Благослови...

— [Брачный контракт]...

— Жизнь...

Бай Синхэ схватился за ручку двери, с удивлением глядя на стену: там ничего не было.

Бабушка, её бледное лицо, полное сожаления, сказала:

— Бабушка не может решать, это бесполезно.

— Что ты имеешь в виду? — он не понимал. — Бабушка, ты молишься богам? Кто этот человек снаружи?

— Он... он шаман, — бабушка положила колокольчик.

— Бабушка, мы не должны заниматься суевериями. Если я заболел, нужно ехать в больницу, а

не к таким шаманам.

Его слова звучали неубедительно, ведь он и сам уже не был уверен. Станный городок Ү, наверняка, был полон мистики, иначе откуда бы взялись все эти странные события.

Бабушка не ответила, её пустой взгляд прошёл сквозь него и остановился на двери.

У двери стоял шаман.

— Я ухожу, — сказал мужчина.

Бабушка спросила:

— Не останешься поесть?

Он покачал головой.

Рукава мужчины были опущены, скрывая татуировки, и видна была только половина головы змея и нога слона на тыльной стороне ладони. Бай Синхэ молчал, подозрительно переводил взгляд с бабушки на шамана, думая: «Шаманка и шаман... они сговорились. Я не болел, это не было болезнью».

Бабушка проводила шамана до двери, а затем отчитала Бай Синхэ:

— Почему ты не поблагодарил доктора? Это он тебя разбудил. Когда люди болеют в горах, их души часто уносят горные духи, и только шаман может их вернуть.

Авторское примечание: Главный герой: Запрещено ходить голым.

<http://bllate.org/book/16168/1449089>